

Руссо Жан Жак

О причинах неравенства
(De l'inegalité parmi les hommes)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Жак Р.**
О причинах неравенства: (De l'inegalité parmi les hommes) / Руссо Жан Жак –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 190 с.

ISBN 978-5-519-84054-5

ISBN 978-5-519-84054-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смерти, созывая сонмы новыхъ поклонниковъ и послѣдователей, вызывая на бой и борьбу новые полки враговъ и непримиримыхъ противниковъ. Поколѣнія смѣняются... Великіе дѣятели этихъ поколѣній смѣняются вмѣстѣ съ ними... Великіе *мыслители* переживаютъ свои поколѣнія. Ихъ идеалы принимаются новыми поколѣніями, воплощаются въ жизни новыми дѣятелями... Эта жизненность идеаловъ и идей великаго мыслителя озаряетъ свѣтомъ своей мысли многія поколѣнія, за нимъ слѣдующія, и является причиной, почему вокругъ его имени кипитъ борьба, и потомство такъ же страстно ему поклоняется или ненавидитъ, какъ и современники. Къ такимъ личностямъ въ исторіи принадлежитъ и *Жанъ-Жакъ Руссо*.

За два года до смерти Руссо американцы прислали въ Европу свою знаменитую декларацію правъ чело-вѣка. Это была первая попытка молодого поколѣнія, поклонявшагося своему великому учителю, приступить къ проведенію въ жизнь его идей. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти французы издали свою декларацію, точно также представлявшую краснорѣчивый параграфъ изъ политической философіи Руссо. Франклинъ, Вашингтонъ и Джефферсонъ, Мирабо, Лафайетъ и Робеспьеръ соединились въ этомъ провозглашеніи своего дѣла дѣломъ великаго Жанъ-Жака. Идеи, съ которыми дѣятели американской и французской революціи приступили къ дѣлу освобожденія и возрожденія своего отечества, были идеями Руссо, хотя ни американская, ни французская демократія не исчерпала всего цикла этихъ идей. Поэтому-то воплощенію ихъ была дана каждымъ изъ дѣятелей форма, зависящая именно отъ такого частичнаго, въ каждомъ случаѣ различнаго заимствованія... Наполеонъ I какъ-то выразился, что не было бы французской революціи, если бы не было Руссо. Это несправедливо въ той же мѣрѣ, какъ и подобное же утвержденіе относительно американской революціи. И та, и другая вытекли изъ столкновенія глубокихъ интересовъ и крупныхъ силъ, оказавшихся къ концу XVIII вѣка въ жестокомъ и непримиримомъ антагонизмѣ. Привилегіи аристократической метрополіи, ея жадность и деспотизмъ вынудили американскую буржуа-

зію поднять оружіе. Привилегіи французской аристократіи, нетерпимость французской церкви, союзъ короны съ феодалами и клерикалами, нарушеніе господствующими классами интересовъ уже сильной и богатой французской буржуазіи дѣлали неизбѣжнымъ столкновение и во Франціи. И въ Новомъ, и Старомъ Свѣтѣ нежеланіе господствующихъ классовъ подѣлиться значеніемъ и силою съ буржуазіей, выросшей въ крупную общественную силу, — и было главной и неустранимой причиной обѣихъ революцій и великаго историческаго переворота, отразившагося на всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но въ обѣихъ революціяхъ и во всѣхъ историческихъ событіяхъ, съ ними связанныхъ, могучей волной прокатился призывъ демократіи къ свободѣ, равенству и братству! Но въ обѣихъ революціяхъ сами интересы буржуазіи приняли демократическую окраску и выступили подъ знаменемъ не своихъ интересовъ, правъ или хартій, даже не блага государства или интересовъ націй, а *естественныхъ правъ человека*! Эти идеалы демократизма, эти идеалы естественнаго права личности были идеалами и идеями Руссо, и въ этомъ отношеніи невозможно указать другого мыслителя, который, давно успокоившись въ могилѣ, принималъ бы такое непосредственное прямое участіе въ общественной борьбѣ и великихъ историческихъ событіяхъ, наполняющихъ собою весь XIX вѣкъ. Фихте, Песталотци, Фурье и Луи-Бланъ, Гарибальди и Линкольнъ, всѣ вожди демократическаго движенія, всѣ защитники естественнаго права противъ права историческаго, всѣ исходили и исходятъ изъ цикла тѣхъ идей, которыя частью высказывались и до Руссо, но которымъ этотъ мыслитель придалъ форму и вложилъ содержаніе, соотвѣтствующія злобамъ дня двухъ столѣтій, уже прошедшихъ, и, вѣроятно, еще и третьяго, наступившаго. Понятна отсюда и страстная борьба, все еще окружающая имя знаменитаго мыслителя.

Среди современниковъ, впечатлѣніе, произведенное замѣчательными твореніями Руссо, было громадное. Бокль, изучившій подробно эту эпоху, называетъ Руссо, „могущественнымъ“, а его вліяніе — изумительнымъ. Знаменитый англійскій мыслитель Юмъ, современникъ

Руссо и находившійся во Франціи въ періодъ наибольшаго творчества Руссо, замѣчаетъ, что трудно выразить и даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему... Никто никогда не обращалъ на себя въ такой мѣрѣ народнаго вниманія. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ. Гриммъ, извѣстный нѣмецкій писатель и ученый, тоже проживавшій въ это время въ Парижѣ, подтверждаетъ этотъ необычайный успѣхъ. Книги Руссо расхватываются мгновенно. За чтеніе ихъ назначается плата по часамъ. Мирабо, Сень-Жюсть, Робеспьеръ — тогда еще молодежь — поклоняются ему, ищутъ счастья его видѣть. Этотъ энтузіазмъ и это поклоненіе однихъ уравниваются или даже перевѣшиваютъ ненавистью и гоненіями другихъ. Его сочиненія сожигаются рукою палача. Его личность подвергается преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ. Послѣ изданія „*Эмиля*“ и „*Общественнаго договора*“ онъ долженъ бѣжать изъ Франціи. Та же судьба постигаетъ его и въ Женевѣ... Онъ ищетъ убѣжища въ Бернскомъ кантонѣ, но декретъ республиканскаго правительства его изгоняетъ и оттуда. Та же судьба повторяется и въ Невшателѣ, гдѣ господствующіе классы возбуждаютъ противъ него чернь за его будто бы безбожіе, тогда какъ, единственный изъ крупныхъ мыслителей XVIII вѣка, Руссо оставался вѣрующимъ и религіознымъ! Совершенно естественны и понятны эти гоненія со стороны классовъ, противъ господства и насилія которыхъ направлялась его тонкая и глубокая критика, а пламенное краснорѣчіе его высокохудожественныхъ твореній взывало къ справедливости и возмездію. На первый взглядъ могутъ показаться менѣе понятными преслѣдованія и непримиримая вражда со стороны враговъ его враговъ, со стороны Вольтера, Дидро, Гримма, энциклопедистовъ... Однако и тому было достаточно причинъ...

Цивилизація является намъ въ исторіи двуликимъ Янусомъ, поворачивающимся къ человѣчеству то одной, то другой стороною. И человѣчество то преклоняется передъ благодѣяніями цивилизаціи, славословитъ ея успѣхи и завоеванія, ожидаетъ отъ нея спасенія и избавленія, то, напротивъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ видитъ, какъ страшная мощь цивилизаціи вооружаетъ

насиліе и неправду, топчетъ справедливость, унижаетъ униженнаго, оскорбляетъ оскорбленнаго, поддерживаетъ тиранию; плодитъ деморализацію, вырожденіе, одичаніе!... Въ XVIII вѣкѣ во Франціи цивилизація обращена была къ человѣчеству своей благодѣтельной стороной. Враги цивилизаціи во Франціи, феодальные и клерикальные классы, были вмѣстѣ съ тѣмъ врагами народа. Ихъ привилегіи, порабощеніе ими народа, неправыя монополіи, произволь и необузданныя насилія вопіяли къ человѣческой совѣсти, но тѣ же классы цѣпко держались за невѣжество и суевѣрія, находя въ нихъ опору для своего владычества. Просвѣщеніе и даже національное обогащеніе ихъ смущали и возбуждали противъ себя. Немилосердные поборы, драконовскія стѣсненія національнаго труда шли во Франціи XVIII вѣка рука объ руку съ гоненіями на просвѣщеніе, съ такими же драконовскими стѣсненіями мысли и слова. Народъ, средніе классы, просвѣщеніе одинаково терпѣли отъ одного и того же неправаго господства, отъ насилія и владычества тѣхъ же феодально-клерикальныхъ классовъ. И дѣятели просвѣщенія первые самоотверженно выступили на борьбу съ несокрушимой, казалось, силой. Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Даламберъ, Кене, Тюрго, Гельвецій, Кондильякъ, Бюффонъ, Лавуазье, Кювье, Биша и многіе другіе—вотъ длинный рядъ знаменитыхъ дѣятелей, поднявшихъ эту тяжелую и опасную борьбу во Франціи и создавшихъ великую „Литературу Просвѣщенія“ вмѣстѣ съ ея славнѣйшимъ памятникомъ—колоссальной энциклопедіей—трудомъ, до того безпримѣрнымъ.

Проповѣдуя просвѣщеніе, создавая его, расчищая путь для свободнаго развитія цивилизаціи, подавленной своекорыстіемъ и деспотизмомъ господствующихъ классовъ, энциклопедисты искренно вѣрили, что тѣмъ самымъ они расчищаютъ путь и для общаго счастья, для народнаго блага и свободы. Просвѣщеніе и цивилизація были для нихъ синонимами прогресса, неперемѣнной причиной народнаго блага. Цивилизація тогда скрывала отъ міра свою другую сторону. Литература просвѣщенія ея не разглядѣла... Руссо замѣтилъ эту обратную сторону, указалъ ее и со свойственной ему страст-

ностью возсталъ противъ цивилизаціи. Дѣятели литературы просвѣщенія сначала изумились и повидимому полагали, что краснорѣчивое нападеніе Жанъ-Жака на цивилизацію есть лишь приступъ, искусный маневръ. Они ждали затѣмъ иныхъ рѣчей, которыя тѣмъ выше вознесутъ благодѣянія культуры. Чувствуя въ Руссо врага враговъ своихъ, врага всякаго неправаго господства, они не могли и представить себѣ въ немъ возможность искренняго порицанія цивилизаціи. Или маневръ искуснаго полемиста, или бредъ сумасшедшаго, или корыстное лицемеріе: ничего другого они не могли видѣть въ идеяхъ Руссо. И, когда убѣдились, что это отнюдь не маневръ со стороны Руссо, что Руссо является самымъ опаснымъ и талантливymъ врагомъ ихъ идей, они тѣмъ съ большей энергіей, можно сказать, съ яростью негодованія, возстали противъ неожиданной и непредвидѣнной ереси. А убѣдиться въ истинномъ значеніи и направленіи литературной дѣятельности Руссо имъ пришлось очень скоро. Разъ начавъ борьбу, Руссо быстро развертывалъ силы, быстро и неудержимо завоевывалъ умы и выбивалъ изъ позицій всѣ недавніе непререкаемые авторитеты прогрессивнаго общества.

Послѣ поразившей и смутившей диссертациі *о вліяніи наукъ на нравы* Руссо выступаетъ съ разсужденіемъ *о причинахъ неравенства въ человѣческомъ обществѣ*. Страстная критика неравенства здѣсь идетъ рука объ руку съ не менѣе страстными обвиненіями цивилизаціи, являющейся ея главной причиной. Серьезные умы среди энциклопедистовъ уже задумались надъ направлениемъ этой новой силы, и Дидро уже попробовалъ остроумно и мягко отпарировать удары, стараясь направить ихъ на общихъ враговъ. Второстепенные умы просвѣтительнаго направленія не соблюдали такой осторожности и своими слабыми, хотя и рѣзкими нападками вызывали лишь побѣдоносный отпоръ со стороны Руссо. Эта полемика все яснѣе вырисовывала точку зрѣнія Руссо, все ярче отдѣляла его отъ литературы просвѣщенія, все шире покоряла мыслящую публику, особенно молодежь. „*Новая Элоиза*“ явилась новымъ необычайно могущественнымъ нападеніемъ. Эта трогательная исторія любви молодыхъ людей, одинаково достойныхъ и оди-

наково стремящихся другъ къ другу, фатально кончается несчастіемъ для нихъ и для всѣхъ окружающихъ. Причина несчастія—въ условіяхъ, созданныхъ цивилизаціей. Природа дала все для счастья героевъ и для того, чтобы они могли и вокругъ себя лить счастье и радость. Цивилизація же съ ея противуестественными учрежденіями, съ ея искусственными чувствами, съ ея условными правилами и обязанностями кассировала всѣ эти дары природы и изъ ихъ блага породила зло, изъ счастья создала несчастье, безъ вины осудила, унизила, обездолила людей, достойныхъ всего лучшаго! Эта потрясающая драма произвела несравнимое ни съ чѣмъ впечатлѣніе. Пламенные страницы высокаго краснорѣчія, всюду разлитая гуманная сердечность, тонкая обрисовка дѣйствующихъ лицъ, влагаемый въ ихъ уста языкъ глубокой и высокой страсти, рѣдкія художественныя достоинства романа—все соединилось, чтобы доставить ему неслыханный успѣхъ, а его автору — невиданное дотолѣ могущество (и могущество одною силою убѣжденнаго слова). Вожди литературы просвѣщенія поняли необходимость взять борьбу въ свои руки изъ неумѣлыхъ рукъ второстепенныхъ писателей. Самъ Вольтеръ вмѣшался въ полемику, но Руссо, какъ-бы не давая опомниться своимъ противникамъ обоихъ фронтовъ, выпустилъ одно за другимъ почти одновременно два сочиненія.

Это были—*„Общественный договоръ“* (Contrat Social) и *„Эмилъ“*. Въ первомъ доктрины Руссо получили свою окончательную догматическую форму. Верховное право народа (souveraineté du peuple) и демократическое равенство были основными принципами этой доктрины. *Естественное*, для всѣхъ одинаковое и равное, *право личности* являлось санкціей доктрины, устранявшей всѣ прежнія санкціи, и божественное благословеніе, и давность, и пыльные пергаменты, и даже интересы націи, блага просвѣщенія. Все это ступшествовало передъ естественными правами человѣка и суверенитетомъ народа, т. е. собранія личностей, добровольно вступившихъ въ общественный договоръ. Простота принципа, его прямолинейная логика и его независимость отъ какихъ бы то ни было завѣтовъ старины, такъ же какъ и отъ ра-

мокъ цивилизаціи, изумили міръ — очаровали однихъ, озлобили другихъ. „Эмилъ“ былъ какъ будто для того написанъ, чтобъ довести это очарованіе до энтузіазма, а это озлобленіе—до бѣлаго каленія. Человѣчество не видало книги, которая съ чарами художественнаго творчества и тонкаго ума соединяла бы столько безпощадной и обаятельной критики самыхъ основъ того, что почиталось краеугольнымъ камнемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Тотъ же „Эмилъ“, съ другой стороны, не оставлялъ камня на камнѣ отъ той школы, отъ той семьи, отъ той системы общественнаго и домашняго воспитанія, которыя были освящены авторитетомъ католической церкви и поставлены подъ охрану законовъ французскаго государства. Выходъ „Общественнаго договора“ и „Эмиля“ явился сигналомъ для начала гоненій на Руссо со стороны правящихъ классовъ и страстной полемики со стороны вождей литературы просвѣщенія. Вольтеръ сталъ во главѣ этого похода.

Большой историческій интересъ представляетъ это единоборство двухъ величайшихъ писателей XVIII вѣка. Если Вольтеръ развернулъ въ этой полемикѣ всю силу своего ѣдкаго, язвительнаго, безподобнаго остроумія, то, съ другой стороны, Руссо оказался на высотѣ своего противника и волновалъ сердца своимъ высокимъ краснорѣчіемъ и широкой гуманностью. Переходя съ мѣста на мѣсто, отовсюду гонимый, всюду преслѣдуемый, Руссо то тамъ, то здѣсь разбивалъ свой временный лагерь и продолжалъ борьбу. Изъ Невшателя онъ написалъ свои „Lettres de la Montagne“, эту страстную филиппику противъ своихъ противниковъ обоихъ лагерей. Въ Англіи началъ свои „Confessions“, это безпощадное самообличеніе и такое же безпощадное бичеваніе своихъ противниковъ. Борьба эта занимала историковъ литературы и съ точки зрѣнія художественной красоты этого знаменитаго турнира, и по существу спора. Съ обычной ловкостью споръ этотъ Вольтеръ разсыпалъ на рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, среди которыхъ въ отдѣльности фернейскій философъ былъ зачастую болѣе правъ, нежели его странствующій, гонимый, больной физически и душевно противникъ. Но за этими деревьями отдѣльныхъ эпизодовъ немногіе разглядѣли лѣсъ основ-

ного вопроса, точно ли въ развитіи культуры и заключается вся задача и весь интересъ человѣчества? Точно ли культура всегда благодѣтельна и ведетъ человѣчество къ добру и правдѣ? Точно ли программа, провозглашенная литературой просвѣщенія, есть программа народнаго блага и справедливости? Не просмотрѣли ли ея славные авторы существенной стороны культурнаго развитія? И не указалъ ли Руссо на этотъ просмотръ своей страстной проповѣдью противъ неправдъ цивилизації? Потому-то вокругъ Руссо и теперь кипятъ страсти, волнуются сердца, раздаются благословенія и проклятія... Его идеалы, его идеи еще и теперь—факторы современной исторіи, и задумчивый, меланхолическій Жанъ-Жакъ еще участвуетъ въ развитіи современныхъ событій. Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Кене, возставъ противъ феодальнаго господства и клерикальной опеки, полагали служить интересамъ народа, который былъ угнетаемъ этимъ господствомъ и деморализуемъ этой опекой. Они успѣли подготовить ниспроверженіе этого строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили для народа новыхъ господъ и новыхъ опекуновъ, подготовили торжество плутократіи. Вся политическая философія Руссо есть протестъ противъ этой эволюціи. Болѣе всякаго другого, оказавъ содѣйствіе ниспроверженію стараго порядка, Руссо, одинъ изъ немногихъ, не только не положилъ ни одного камня для возведенія буржуазнаго господства, но даже подготовилъ борьбу и съ этой новой формой общественнаго неравенства и народнаго порабощенія. Принципъ личности, какъ верховный критерій доктрины, и идея народа, какъ добровольнаго, сознательнаго единенія личностей, являлись въ теченіе всего XIX вѣка руководящими во всѣхъ движеніяхъ французской и вообще европейской демократіи.

Ж.-Ж. Руссо родился 2 іюня 1712 года въ Женевѣ; умеръ въ 1778 г. подъ Парижемъ. Мать заплатила жизнью за рожденіе великаго человѣка, который явился на свѣтъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ, не общавшимъ долготѣія. Только заботливому уходу тетки Руссо и человѣчество обязаны, что онъ пережилъ и перенесъ первые дни и первые годы этого хрупкаго существованія. Отецъ Руссо былъ по про-

фессіи часовщикъ, какъ большинство женеццевъ того времени. Человѣкъ онъ былъ безпокойный и безпорядочный и первыя десять лѣтъ жизни, проведенныя Жанъ-Жакомъ подъ родительскимъ кровомъ, никакъ не были факторомъ, благоприятнымъ умственному, и нравственному развитію ребенка. Въ 1722 году отецъ оставилъ Женеву и поселился въ Ліонѣ, передавъ сына шурина своему Бернару, у котораго былъ сынъ, ровесникъ Жанъ-Жаку. У Бернара Руссо оставался не долго и вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ скоро былъ помѣщенъ въ пансіонъ для мальчиковъ, содержавшійся священникомъ Ламберсье въ деревушкѣ Боссэ, подлѣ Женеви.

Въ школѣ Ламберсье Руссо пробылъ около двухъ лѣтъ и здѣсь впервые начала обрисовываться природа мальчика. Жившій до этого времени въ городѣ, Руссо въ Боссэ впервые прикоснулся къ природѣ, и впечатлительная отзывчивая душа его открылась навстрѣчу красотамъ и чарамъ природы, вступила съ нею въ то тѣсное сердечное общеніе, которое затѣмъ подарило ничѣмъ не превзойденныя картины и страницы. Въ трогательныхъ и художественныхъ картинахъ рисуетъ намъ Руссо въ „Confessions“ эти свои первыя свиданія съ природой, свои игры, занятія садоводствомъ, наблюденія, чувства, навѣваемая деревней... Деревня и природа навсегда остались самыми дорогими и постоянными привязанностями Руссо, и кто знаетъ, эти симпатіи, заложенныя общеніемъ дѣтской души и деревенской природы, не отразились ли и на міросозерцаніи великаго мыслителя? Не увеличили ли его отвращенія къ цивилизаціи? Не подсказали ли ему искать ей поправки и лекарства въ безыскусственныхъ условіяхъ, создаваемыхъ природою безъ участія культуры?

Когда дядя Бернаръ взялъ своего сына отъ Ламберсье, чтобы готовить его въ инженеры, то вмѣстѣ съ нимъ взяли и Жанъ-Жака, однако, никуда его не готовя. Кое-чему его обучали, присоединивъ къ нѣкоторымъ занятіямъ кузена. Пробовали его пристроить клеркомъ къ нотаріусу, но его тамъ нашли неспособнымъ. Наконецъ, когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, рѣшено было его сдѣлать граверомъ, и онъ былъ опредѣ-

лень къ мастеру Дюкоммену ученикомъ, гдѣ онъ и пробылъ безъ малаго годъ. Мастеръ отличался жестокостію, жадностію и корыстолюбіемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что въ одно прекрасное весеннее утро Руссо бѣжалъ изъ граверной и оставилъ Женеву. Это было 14 марта 1728 г., когда бѣглецу еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ.

Два дня странствовалъ Руссо по деревнямъ женевского кантона, пользуясь гостепріимствомъ поселянъ, а на третій перешелъ границу и очутился въ Савойѣ. Здѣсь его пріютилъ и обласкалъ католическій священникъ Понверръ. Руссо, какъ и вообще женевцы, былъ кальвинистъ. Понверръ рѣшилъ спасти его душу и съ этою цѣлью направилъ его въ городъ Аннеси къ баронессѣ Варрансъ, которая и отправила его въ Туринъ, гдѣ существовала специальная семинарія для обращенія еретиковъ. Тамъ Руссо пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ, обучаясь догматамъ и правиламъ католической церкви. Въ концѣ лѣта состоялось обращеніе и новоиспеченный шестнадцатилѣтній католикъ былъ выпущенъ на улицы Турина всего съ двадцатью франками въ карманѣ. Онъ перепробовалъ нѣсколько профессій (приказчика, клерка, прислуги), но его нервный темпераментъ и независимый характеръ не допустили его приспособиться къ этимъ занятіямъ. Тогда онъ вспомнилъ о баронессѣ Варрансъ, такъ радушно его принявшей годъ назадъ, и отправился къ ней въ Аннеси. Баронесса была очень довольна его появленіемъ и пріютила у себя.

Бурный періодъ дѣтства и отрочества заканчивается этимъ эпизодомъ, потому что слѣдующій періодъ 1729 — 1740 гг. наполненъ тихою идилліей сердечнаго союза съ Варрансъ. За это время онъ состоялъ сначала въ хорѣ церковныхъ пѣвчихъ, потомъ клеркомъ въ интендантскомъ управленіи. Эти занятія и любовь красивой подруги наполняли собою значительную часть времени. Остальное время поглощало систематическое изученіе языковъ, наукъ и философіи, причемъ ему удалось достигъ серьезныхъ результатовъ и сдѣлаться вполнѣ образованнымъ человекомъ. Въ 1740 г. сорокалѣтняя баронесса Варрансъ вновь влюбилась, и Руссо разстался